

УДК 111.1:1:(091) (44):141.131:502,12:1

Многомерность цифровой среды в обществе риска

М. О. Орлов

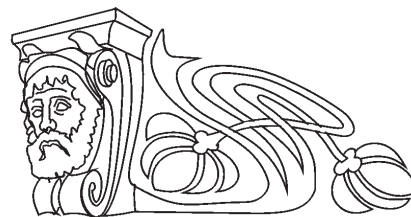
Орлов Михаил Олегович, доктор философских наук, профессор, декан философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, orok-saratov@mail.ru

Установлено, что основанием цифрового общества служит цифровая среда. Изучение технологий вне контекста антропологического и социального опыта является недостаточным, поэтому для рассмотрения цифрового общества продуктивна гибридизация знания программного обеспечения и цифровых гуманитарных исследований. Цифровое общество – это не только результат технологического прогресса, но и результат меняющегося опыта человечества. Предметом социально-философского анализа становится онлайн-коммуникация, которая выступает основанием для формирования сложных структур цифрового общества. Рассматривается энвайронментальный вопрос, связанный с качеством жизни субъекта в информационном обществе. Осваивая компьютерные технологии и коммуникативные возможности, человек становится полноценным членом цифрового общества, выстраивает баланс между работой и отдыхом, профессиональной деятельностью и личной жизнью. Цифровая среда характеризуется многомерностью связей и амбивалентностью отношений: с одной стороны, перед человеком раскрываются коммуникативные свободы, с другой стороны, возникают новые формы зависимости и риски отчуждения. Выявлено, что благодаря виртуальной реальности человек обретает новые идентичности, характеристики и параметры личностного бытия. Анализируются технологии Big Data, позволяющие по-новому структурировать социальную реальность. Так, на примере Китая рассмотрена система индивидуального рейтинга, основанного на оценке личного поведения граждан. Выявлено, что социальные сети порождают новые формы коммуникативных практик, таких как троллинг, постправда и постирония. Определены перспективы для философской рефлексии в условиях новых технологических возможностей человечества. Констатируется, что философский анализ виртуальной реальности способствует минимизации цифрового неравенства и развитию цифровой грамотности.

Ключевые слова: цифровое общество, цифровая среда, коммуникация, социальные сети, общество риска, цифровой контроль, общество социального кредита, мессенджеры, геолокализация субъекта, цифровые риски, фейк, тролль, хакер, информационный кокон, постправда, постирония.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-155-161>

Сегодня не хватает ориентации философии на науку и практику. Данная установка актуальна, поскольку современный мир пронизан технологиями, создающими специфическую по своей природе цифровую среду, в которую погружается человечество. Для осуществления философского анализа цифрового общества не-

обходимо исследовать концептуальные основания представлений о цифровой среде. Это понятие является результатом синтеза представлений о технологических возможностях человека, однако необходимо отметить, что данный термин изначально возникает в естественнонаучном дискурсе. Технологические параметры, описывающие цифровую среду, могут быть обозначены, во-первых, в виде данных, закодированных в двоичной системе; во-вторых, как совокупность алгоритмов; в-третьих – это программное обеспечение. На основе определенных нами параметров возникает такая технологическая основа, обуславливающая все множество интеракций, предпринимаемых человеком в условиях онлайн-коммуникации, когда подручные устройства – девайсы и технологические средства – осуществляют должное функционирование. Если ставится задача по изучению цифровой среды как основы цифрового общества, то нам необходимо разобраться с ее технологическим уровнем.

Происходящие социальные трансформации «обусловлены во многом процессами коммуникационной динамики» [1, с. 55], но и без обладания необходимыми компетенциями в области компьютерных наук философу будет достаточно сложно установить специфику функционирования цифрового общества. По мысли Д. Зорича, для решения этой методологической задачи целесообразно организовать работу на уровне центров цифровой гуманитарной науки [2, с. 70]. Технология – это фундамент, обеспечивающий бытие цифровой среды. Изменяющиеся технологии трансформируют и структуру социального взаимодействия, меняются повседневный мир человека и его самоидентификация. Значение социально-философской рефлексии этих процессов непрерывно возрастает, потому что исследования технологий вне контекста человеческого опыта недостаточны. Можно с уверенностью говорить о том, что методологически продуктивной является гибридизация знаний, направленных на комплексное рассмотрение взаимосвязи естественнонаучного уровня, занятого программным обеспечением, и цифровых гуманитарных исследований.

В пространстве социально-философского анализа рассмотрение цифровой среды обращено не столько к технологической основе, сколько

к меняющемуся опыту человечества. В медиаисследованиях мы выбираем определенный сегмент, который формирует свое проблемное поле, позволяет увидеть сложность цифровой коммуникации и ее неоднозначную специфику. Если мы изучаем социальное одобрение, то в социальных сетях оно выражается особой семантической системой репрезентации в виде эмоджи, лайка и дизлайка. Онлайн-коммуникация, трансформируясь, становится виртуальной и конституирует многомерные пласты индивидуальных и социальных контекстов, связанных с идентификационными основаниями субъекта, с правовыми составляющими функционирования интернет-отношений, а также с тем, что социальные сети становятся инструментом для решения широкого спектра культурных, политических, экономических и индивидуальных вопросов. По мнению К. Хайнэ, цифровые данные служат коммуникационным средством, а не инструментом познания [3, с. 270].

Цифровая среда как базис цифрового общества инициирует энвайронментальную проблематику. Интернет-технологии нацелены на обеспечение комфортного существования пользователя, на привлекательное развертывание его виртуальных стилей персонального бытия. В результате формируется зависимость субъекта от этой новой среды обитания. Виртуальная реальность характеризуется многомерностью связей и амбивалентностью отношений. По мнению К. Девидсона, важнейшими параметрами данной среды являются многомерность и открытость [4, с. 708]. Интеракция в пространстве Интернета предполагает важность выстраивания отношений, необходимость договариваться, вырабатывать определенные правила и конвенциональные взаимодействия. Однако пользователь локализован в своих функциональных возможностях, потому что любое действие в сети изначально определено и ограничено теми технологическими возможностями и условиями, которые выстроены владельцами или кураторами того или иного интернет-ресурса. На настоящий момент сформировались структуры, которые контролируют информационные сервисы на технологическом уровне, а сами субъекты цифрового общества вынуждены играть по правилам и сценариям, которые определены теми, кто задает параметры взаимодействия между человеком, технологическим устройством и программным обеспечением.

Философский анализ социальных отношений в сети позволяет вскрыть и минимизировать эффекты цифрового неравенства и социальные риски. Если раньше эта проблема зависела от отсутствия компьютерной грамотности, ког-

да пользователь не мог применять интернет-технологии на должном уровне, то теперь под цифровым неравенством понимается система взаимоотношений человека и техники, интерпретация взаимосвязи офлайн и онлайн, а также специфика управления ресурсами в сети.

Перспективой цифрового неравенства является ситуация, когда человеку придется конкурировать с искусственным интеллектом. Уже сейчас нейронные сети способны выполнять множество операций с точностью и быстротой, многократно превосходящей возможности человека. Ситуацию, когда кибернетические системы учатся выполнять работу врачей-диагностов или адвокатов, вполне справедливо сравнивать с ситуацией конца XVIII в., когда существовал механизированный ручной труд. Индустриальная революция привела к фантастическим изменениям в социальной структуре, фактически создав современное общество с массовым наемным трудом, с идеей, что человек должен ходить на работу, а не обрабатывать поле вокруг своего дома, с ценностями нуклеарной семьи, с представлениями о хорошей и плохой жизни. Сейчас, когда приходится сталкиваться с тем, что компьютеры учатся делать за нас интеллектуальную работу, очень трудно предсказать, во что это в социальном контексте перерастет, но по своим социальным последствиям эффект будет сопоставим с первой индустриальной революцией. Как только будут созданы системы, которые в состоянии принимать решения без участия человека и при этом делать это более эффективно, мы столкнемся с культурой *пост-субъекта*, где субъектами выступают уже не только люди. По большому счету культуру можно описать как игру с неполной информацией. И как только мы получаем систему, способную принимать решение с неполной информацией эффективнее, быстрее и дешевле, чем люди, то возникает совершенно другое социальное пространство, проблема которого заключается в том, что его еще не с чем сравнить, у нас нет подходящего языка для описания мира, где люди не принимают все решения, где система вещей и отношений выстраивается совершенно иным способом. Характерными для этого процесса становятся автоматизация интеллектуальных рабочих мест и новые формы цифрового неравенства.

Свои технологические превосходства в сложившихся условиях демонстрируют хакеры. Именно эти субъекты оказывают противоправное влияние на уровне информационных и коммуникационных процессов, являясь источниками киберугроз, таких как распространение вирусов и взломы с целью похищения личной информации.

Как следствие, возрастает уровень недоверия в сети. С целью обеспечения безопасности в пространстве Интернета национальные государства активно развивают стратегии контроля и наблюдения. Создаются законопроекты о защите персональных данных, курируется деятельность провайдеров, собираются и обрабатываются данные о рядовых пользователях. Цифровое общество приобретает свойство прозрачности и поднадзорности. На стыке интересов государств и корпораций рождаются нормы цифрового порядка. Так, все технологические компании, обеспечивающие функционирование социальных сетей, следят за своими подписчиками. Государство обладает правом налагать запреты и вводить контроль за распространением материалов, угрожающих социальному здоровью общества, прежде всего молодежи. Не меньшей властью над подписчиками обладают социальные сети, которые также могут налагать запрет на использование той или иной символики, изображений и высказываний. В случае нарушения требований администрации социальной сети пользователь ограничивается в коммуникативных возможностях – получает бан. В цифровой реальности бан фактически приравнивается к цифровому заключению. Это запрет на существование в качестве субъекта цифрового общества. Эффект цифрового стирания может быть приравнен к преследованию или смерти [5, с. 12].

Коммуникативные возможности информационного общества обладают высокой степенью продуктивности в формировании индивидуального образа. Капитализируясь, цифровой имидж становится достоянием субъекта цифровой среды. Возникает цифровая привязанность, прежде всего это касается молодежи. Наиболее зависимыми оказываются геймеры. Технологические корпорации пользуются этой зависимостью и делают ее более прочной. Данное состояние можно назвать цифровой проницаемостью. Сами же пользователи зачастую не чувствуют эту зависимость и информационную уязвимость.

В условиях цифровой среды физическое общение лицом к лицу сокращается, это также касается и телефонного общения. Для соблюдения цифрового этикета сегодня считается правильным, прежде чем позвонить человеку по телефону, предварительно написать ему в мессенджер для выяснения степени его готовности к аудиальному общению. Отвечать на письма, полученные по электронной почте, предпочтительно в течение суток. Зачастую для деловых контактов используются личные аккаунты в социальных сетях, направлять сообщения в которые можно в любое время суток вне

зависимости от часовых поясов. Появляется все больше и больше различных технологических программ-средств для общения людей. Однако данная ситуация приводит к увеличению деперсонализации и повышению уровня социальных конфликтов. Усиливаются индивидуальная и социальная нетерпимость и отчуждение, социум становится все более разрозненным.

Увеличение коммуникативных возможностей приводит к дефрагментации цифрового общества. Это связано с тем, что большинство коммуникативных актов реализуется в социальных сетях, где люди не видят лица собеседника. Происходят трансформация и расщепление субъекта социальной сети: договоренности в офлайн могут не соблюдаться в онлайн-среде. Сегодня отсутствуют универсальные объединяющие культурные коды, информационные поводы теряют всеобщее значение и смысл. Цифровое общество разделено на атомарные структуры, каждая из которых образована системой личных интересов, информационными предпочтениями и приятием только комфортной информации. Начиная с 2015 г. происходит трансформация сетевого онлайн-общения: на смену социальным сетям приходят мессенджеры, где у вас в контактах есть только необходимые лица, с которыми вы будете общаться и о которых вы будете знать максимально достоверную информацию – это люди вашего круга общения, зафиксированного в телефонной книге. В мессенджерах, как правило, общение осуществляется один на один, а группы образуются в соответствии с ситуативным интересом или возникшей потребностью. В связи с этим встает фундаментальный вопрос о человеческой социальности: насколько возможно человеку адаптироваться к атомарному существованию в мессенджерах, если он уже за последние десятилетия привык к интенсивной программе взаимоотношений в социальных сетях, насколько теперь ему будет *ценностно приемлемо* приобщаться к стратегиям индивидуальной локализации? Однако на данный момент мы продолжаем наблюдать гегемонию социальных сетей, пришедшую на смену гегемонии блогов, которые также были построены на принципе объединения в глобальное сообщество. Все это свидетельствует о желании цифрового субъекта быть социальным и находиться в потоке массовой информации и многомерных связей. Остается неразрешимым вопрос, насколько сохранится эта социальность, будут ли предложены альтернативы, которые приведут к новой индивидуализации? Очередным трендом цифрового общества в 2017 г. стали телеграм-каналы, особенность которых заключается в оперативном и аноним-

ном распространении информации подписчикам, осуществляемом в режиме «цифровых сливов» непроверенных гипотетических, но актуальных и животрепещущих новостей. Данные эффекты свидетельствуют о том, что жизненные стратегии и предпочтения личности трансформируются под воздействием цифровой среды, прежние социальные институты и системы отношений демонстрируют свою несостоятельность, возникает потребность в новых формах цифровой институционализации.

Фундаментальной компетенцией современного человека становятся коммуникативность и умение обращаться с большими потоками информации, а также навыки в выборе приоритетов и предпочтений в агрегировании информационных ресурсов и платформ взаимодействия.

В условиях цифровой среды человек обретает новую размерность бытия. Если раньше в философском дискурсе говорилось о человеке ценностном, разумном, играющем, то сегодня появляются новые параметры, мы можем говорить о человеке геолокализованном. Антропологическая реальность трансформируется под влиянием технологий, субъект приобретает метку на спутниковой карте, привязывая свое положение к местности благодаря спутниковым системам GPS и Глонасс. Если раньше на этапе раннего становления информационного общества субъект находился в системе динамических потоков, теряя свое место и положение в пространстве, то теперь он получает возможность обрести новую локализацию в физическом измерении.

Человек все чаще пользуется гаджетами, которые подключены к приложениям, социальным сетям и информационным сервисам, накапливающим информацию о перемещении и местах его пребывания. Цифровая карта наполняется сведениями о местах, в которых оказывается человек, смартфон в автоматическом режиме предоставляет информацию о том, что когда-то происходило на этом месте или чем оно может оказаться полезным для пользователя сейчас. В условиях интенсивной социальной динамики информация, всплывающая на экране, вызывает все больше доверия. Эта реальность обладает надежностью для субъекта и он обращается к данным своего смартфона гораздо чаще. Это касается пространственной и временной локализации субъекта в цифровом обществе.

Из-за несоответствия онлайн и оффлайн цифровая реальность нередко вводит в заблуждение. С другой стороны, большинство сервисов ориентируется сегодня на использование смартфона с целью сделать жизнь более комфортной, а цифровую среду – наиболее привлекательной,

а также вызвать зависимость субъекта от цифровой среды. Социально-философская рефлексия позволяет проследить, каким образом меняется человеческая субъективность. Современный человек все чаще испытывает потребность в калькулируемой, выраженной в статистических формах субъективности. Самооценка субъекта цифрового общества зависит от количества полученных лайков, просмотренных фотографий, сделанных репостов и комментариев. Пользуясь такой зависимостью, социальные сети предлагают статистические сервисы, которые рассказывают человеку о том, как он воспринимается окружающим его цифровым социумом. Для усиления степени привязанности к цифровому ресурсу Facebook и другие сети предлагают своим пользователям интересующие их новости, предоставляют статистическую информацию, связанную с личной активностью, напоминают о днях рождений друзей и важных событиях, произошедших ранее. Эти данные помогают человеку выстраивать личное позиционирование в цифровом обществе и осуществлять процедуру самоидентификации. Необходимой идентификационной ценностью обладают знаки, рассказывающие субъекту о том, кем он является сейчас в виртуальном пространстве, каков его статус и на что он может рассчитывать в цифровом обществе. Сегодня геолокализация и сведения о перемещении являются новым ресурсом, который используется в коммерческих целях. В связи с этим возникают новые риски, человек оказывается уязвимым для разного рода рекламы и спама.

Еще одна характерная черта цифрового общества – обмен данными: чем больше мы делимся качественной информацией, тем больше получаемые взамен, тем больше новых сведений становятся нам доступными. Однако главным ресурсом являются не информация и технологии, а человеческий капитал. Люди используют информационные платформы в своих целях, вступают в коммуникацию, устанавливают правила и конвенции, тем самым формируют свою собственную идентичность и благоприятную цифровую среду.

В результате технологической революции все больше действий, осуществляемых человеком, оставляют информационный след и могут быть подвергнуты анализу, калькуляции и фиксации. Пользуясь технологическими устройствами, работая онлайн, субъект цифрового общества генерирует большое количество информации, которая в свою очередь может быть структурирована, анализирована и классифицирована благодаря программам машинного обучения. Из всего этого массива извлекаются ценные инсайды. Технологи-

гии Big Data за последние несколько лет стали одним из новых источников знаний о человеке и обществе: выявляются и классифицируются предпочтения, потребности, индивидуальные и коллективные стратегии, жизненные стили миллионов людей. Защита данных и проблема приватности становится одной из актуальных проблем начала XXI в. [6, с. 39].

Социальные антиутопии и религиозные картины мира конструировали такую реальность, в которой существует «всевидящее око», знающее о человеке больше, чем он сам, оценивающее его поступки, воздающее благом за блага и наказывающее за прегрешения. Многие столетия подобные представления были фантазией: литературным проектом или предметом религиозной веры, но с наступлением эпохи Big Data они стала реальностью. И эта реальность наступила в Китае. На основе цифровых технологий предполагается осуществление проекта, который называется «системой социального кредита» или более точным по смыслу термином – системой социального доверия. С помощью муниципальных структур, налоговых, судебных органов, корпораций и цифровых технологий государство будет присваивать гражданам индивидуальный рейтинг: «к 2020 году не только каждая компания, но и каждый житель материкового Китая будет отслеживаться и оцениваться этой системой в режиме реального времени. Рейтинг доверия физлиц будет привязан к внутреннему паспорту (身份证)» [7]. Те, у кого рейтинг будет высоким, получают льготы и преференции, а граждан с низким рейтингом будут ожидать трудности. Важно отметить, что оцениваться будет не только исполнение требований, связанных с законом и выплатой кредитов, но и морально нравственное поведение граждан. По замыслу идеологов данной системы индивидуальный рейтинг – это не угроза человеческим свободам, а источник дополнительных льгот, благ и преференций для добропорядочных граждан. Средства массовой информации КНР также проводят активную разъяснительную работу и популяризацию внедрения данной системы в жизнь.

Одним из животрепещущих вопросов социальной философии являются проблемы биополитики. Китай часто становится пространством этических экспериментов, например, это связано с исследованиями в области геномной инженерии. Что происходит в китайских лабораториях, для всех остается тайной. Это связано с тем, что Китай является особым социокультурным пространством, в котором представление о человеческих правах, свободах и обязанностях отличается от классической европейской системы ценностей,

однако данная стратегия оценки граждан может быть взята на вооружение и другими странами. Сегодня миром владеет тот, кто имеет доступ к технологиям Big Data, и Китай в этом отношении показывает устрашающий пример.

Героями цифровой среды становятся фейки и тролли, а базовыми ценностями – постпопулизм и постправда. Ориентируясь на массового потребителя цифрового общества, постпопулизм базируется на яркой, эффектной, шокирующей, но непроверенной информации. Для достижения быстрого эффекта в продвижении товара, бренда или субъекта прибегают к использованию постправды. Анализируя реалии социальной и политической жизни в США, данное понятие впервые концептуализировал Р. Кейес [8, с. 127]. Постправда конституирует такую ситуацию, в которой объективность фактов оказывается менее значимой, чем обращение к эмоциям и личным переживаниям потребителя, материал подается быстро с учетом отсутствия рефлексивного восприятия. На первый план выходит эффективность информации, а не ее достоверность. В представлении Макдональда социальные медиа конструируют такие условия, в которых ценность факта, истинности суждения, статистического анализа и рациональности нивелируется [9, с. 971–972]. В тренде оказывается короткое сообщение в стиле заголовка, который способен привлечь потенциального потребителя информации своей новизной и актуальностью. Ориентация человека на принципиальный информационный комфорт приводит к формированию информационного кокона: субъект цифрового общества предпочитает потреблять только те сведения, которые ему приятны и которые соответствуют его ценностным предпочтениям, интересам и жизненной позиции. Данная ситуация способствует цифровому отчуждению, каждый субъект оказывается в своем локальном информационном пространстве, причем с течением времени эти пространства расходятся, субъект может не знать, что происходит в информационном пространстве его ближайшего соседа. Для достижения неоднозначности смысла и эмоциональной привлекательности высказывания субъект цифрового общества избирает постиронию: это такая дискурсивная практика, когда нельзя однозначно оценить высказывание, нельзя понять, серьезно оно или это шутка, высказывание и его смысл мерцают. Происходит сочетание искренности и гротеска. Постирония является реакцией на пафос дискурсов власти и традиционной культуры, это способ демонстрации социальной критики, провокации и одновременно развлечения.

Постирония – характерная черта троллинга, ею пользуются те, кто не в силах вступить в пря-

мое силовое противодействие, тролли скрывают себя и в своих высказываниях шифруют критические смыслы, требования и вызовы официальной культуре. Таким образом, тролль одновременно выражает и не выражает свой протест, пытается обмануть и спровоцировать инстанцию власти, стимулируя окружающих солидаризироваться с собой в этих акциях. Поэтому стратегия троллинга является привлекательной и удобной формой выражения протеста. Из-за своей анонимности и массовой распространенности в информационном пространстве троллинг становится частью экономической и политической индустрии. Тролли работают на государство и корпорации, выполняют заказы по дестабилизации дискурсивных пространств социальных сетей и блогосферы. Актуальным оказывается представление о взаимосвязи знания и власти: если вы определяете то, что является знанием, вы оказываетесь носителем власти и влияния. Власть фрагментируется одновременно с представлениями о знании. Такие эффекты возникают не только в политике, но и в общественных отношениях, в социальных сетях, где каждая социальная группа, обладающая идеологией, продуцирует свою корпоративную культуру, представления, формы влияния и приоритеты. В данных условиях задача философии – оберегать форпосты рационального и критического мышления, ценности дискурсивной культуры и коммуникативной этики, провозглашать свободу и ценности прав человека.

Список литературы

1. Орлов М. О. Этика дискурса как основа стратегий социализации в глобализирующемся мире // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12, вып. 2. С. 55–59.
2. Zorich D. M. Digital Humanities Centers : Loci for Digital Scholarship // Working Together or Apart: Promoting the Next Generation of Digital Scholarship. Washington, 2009. P. 70–78.
3. Hine C. Databases as Scientific Instruments and Their Role in the Ordering of Scientific Work // Social Studies of Science. 2006. Vol. 36, № 2. P. 269–298.
4. Davidson C. Humanities 2.0: Promise, Perils, Predictions // Publications of the Modern Language Association of America (PMLA). 2008. P. 707–717.
5. Carroll E., Romano J. Your Digital Afterlife: When Facebook, Flickr and Twitter Are Your Estate, What's Your Legacy? Berkeley, 2011. 216 p.
6. Lane J., Stodden V., Bender S., Nissenbaum H. Privacy, Big Data and the Public Good : Frameworks for Engagement. Cambridge University Press, 2014. 344 p.
7. Ковачич Л. А. Большой брат 2.0. Как Китай строит цифровую диктатуру. URL: <http://carnegie.ru/commentary/71546> (дата обращения: 21.10.2017).
8. Keyes R. The Post-Truth Era : Dishonesty and Deception in Contemporary Life. N.Y., 2004. 325 p.
9. McDonald K. From Indymedia to Anonymous: Rethinking Action and Identity in Digital Cultures. // Information, Communication & Society. 2015. Vol. 18, № 8. P. 968–982.

Образец для цитирования:

Орлов М. О. Многомерность цифровой среды в обществе риска // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 155–161. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-155-161>

The Diversity of the Digital Environment in a Risk Society

M. O. Orlov

Mikhail O. Orlov, <https://orcid.org/0000-0001-7312-5881>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, orok-saratov@mail.ru

In the article presented, it is established that the basis for a digital society is the digital environment. The study of technologies outside the context of anthropological and social experience is insufficient, therefore, for the consideration of a digital society, the hybridization of Software studies and digital humanities is a productive one. It is established that the digital society is not only the result of technological progress, but also the result of the changing experience of mankind. The subject of social and philosophical analysis is online communication, which serves as the basis for the formation of complex structures of the digital society. The article considers the environmental issue, which is related to the quality of life of the subject in the information society. Mastering computer technologies and communication opportunities,

a person becomes a full member of the digital society, forges a balance between work and leisure, professional activity and personal life. The digital environment is characterized by multidimensional relations and the ambivalence of relations: on the one hand, communicative freedoms are revealed to the person, on the other hand, new forms of dependence and risks of alienation arise. It is revealed that due to the virtual reality a person acquires new identities, characteristics and parameters of personal being. Analyzing the Big Data technologies that allow us to re-structure the social reality in a new way, the example of China considers an individual rating system based on the assessment of personal behavior of citizens. It is revealed that social networks generate new forms of communicative practices, such as trolling, post-truth and post-breeding. The study identifies prospects for philosophical reflection in the context of the new technological capabilities of mankind, it states that the philosophical analysis of virtual reality helps minimize digital inequality and the development of digital literacy.

Keywords: digital society, digital environment, communication, social networks, risk society, digital control, social credit society, messengers, geolocation of the subject, digital risks, fake, troll, hacker, information cocoon, post-truth, post-monopoly.

Referenses

1. Orlov M. O. Ethics of discourse as the basis of socialization strategies in the globalizing world. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2012, vol. 12, iss. 2, pp. 55–59 (in Russian).
2. Zorich D. M. M. Digital Humanities Centers: Loci for Digital Scholarship. In: *Working Together or Apart: Promoting the Next Generation of Digital Scholarship*. Washington, 2009, pp. 70–78.
3. Hine C. Databases as Scientific Instruments and Their Role in the Ordering of Scientific Work. *Social Studies of Science*, 2006, vol. 36, no. 2, pp. 269–298.
4. Davidson C. Humanities 2.0: Promise, Perils, Predictions. In: *Publications of the Modern Language Association of America (PMLA)*, 2008, pp. 707–717.
5. Carroll E., Romano C. *Your Digital Afterlife: When Facebook, Flickr and Twitter Are Your Estate, What's Your Legacy?* Berkeley, 2011. 216 p.
6. Lane J., Stodden V., Bender S., Nissenbaum H. *Privacy, Big Data and the Public Good: Frameworks for Engagement*. Cambridge University Press. 2014. 344 p.
7. Kovachich L. A. *Bolshoy brat 2.0. Kak Kitay stroit cifrovuyu diktaturu* (Big Brother 2.0. As China builds digital dictatorship). Available at: <http://carnegie.ru/commentary/71546> (accessed 21 January 2018) (in Russian).
8. Keyes R. *The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life*. New York, 2004. 325 p.
9. McDonald K. From Indymedia to Anonymous: Rethinking Action and Identity in Digital Cultures. *Information, Communication & Society*, 2015, vol. 18, no. 8, pp. 968–982.

Cite this article as:

Orlov M. O. The Diversity of the Digital Environment in a Risk Society. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 155–161. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-155-161>
